

УДК 821.512.145

DOI: 10.26907/2782-4756-2025-80-2-204-211

ВОЕННЫЕ ДНЕВНИКИ ТАТАРСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ: ПУТЬ К ЧИТАТЕЛЮ СКВОЗЬ РАМКИ ЦЕНЗУРЫ

© Айдар Хабутдинов, Милеуша Хабутдинова

WAR DIARIES OF TATAR WRITERS: THE PATH TO THE READER THROUGH CENSORSHIP

Aidar Khabutdinov, Mileusha Khabutdinova

The article is devoted to the problem of the frontline diary genre transformation into fiction, documentary and autobiographical prose. The military diaries of the Tatar writers-veterans: Gusman Fatkhullovich Bakirov (1896–1962), Adip Malikovich Malikov (1921–2009), Muzagit Khairutdinovich Khairutdinov (1901–1944) and Amirkhan Nigmatzyanovich Yenikeev (1909–2000) provided the material for this study. The article studies the history of the existence of these writers' military diaries and reconstructs the history of their publication. We consider various strategies for the transformation of the texts into works of fiction: a portrait essay, poem and an autobiographical novel. We prove that the logic of the author's thought transformation depends on the nature of public and social life during the creation of literary texts. Comparative analysis allowed us to comprehend the logic of the text transformation. The archives have preserved the original texts of the diaries, which were not distorted by self-censorship and censorship. We prove that the writers resorted to nonlinear time during the transformation in order to convey the depth of life; they renamed the characters in order to reach artistic generalizations; their observations of contemporaries turned into artistic images built in accordance with Soviet archetypes. The presentation of these diaries' authors in posthumous editions depended entirely on the will of their compilers-editors who transformed these texts depending on their own tasks.

Keywords: Tatar literature, author's strategies, genre, World War II, military diaries

Статья посвящена проблеме трансформации жанра фронтового дневника в художественно-документальную и автобиографическую прозу. Материалом для исследования послужили военные дневники татарских писателей-фронтовиков: Гусмана Фатхулловича Бакирова (1896–1962), Адипа (Адиба) Маликовича Маликова (1921–2009), Музагита Хайрутдиновича Хайрутдинова (1901–1944), Амирхана Нигметзяновича Еникеева (1909–2000). Изучена история бытования военных дневников этих писателей, реконструирована история их публикации. Рассмотрены различные стратегии трансформации текста в художественные произведения (очерк, поэма, автобиографическая повесть). Доказано, что логика трансформации авторской мысли зависела от характера социально-общественной жизни в период создания художественных текстов. Сравнительный анализ позволил постичь логику трансформации текстов. В архивах сохранились оригинальные тексты дневников, не искаженные самоцензурой и цензурой. Доказано, что писатели прибегали при трансформации к нелинейному времени, чтобы передать глубину жизни; переименовывали героев, чтобы выйти на художественные обобщения; наблюдения над современниками превращали в художественные образы, выстраиваемые в соответствии с советскими архетипами. Презентация авторов дневников в посмертных изданиях целиком зависела от воли составителей-редакторов, которые трансформировали тексты в зависимости от своих задач.

Ключевые слова: татарская литература, авторские стратегии, жанр, Вторая мировая война, военные дневники

Для цитирования: Хабутдинов А., Хабутдинова М. Военные дневники татарских писателей: путь к читателю сквозь рамки цензуры // Филология и культура. Philology and Culture. 2025. № 2 (80). С. 204–211. DOI: 10.26907/2782-4756-2025-80-2-204-211

Писатели – участники Второй мировой войны, несмотря на запрет, продолжали вести дневники. Ценность подобных источников общепри-

знанна [1], [2], [3], [4], [5], [6]. Л. Р. Насыйхова, анализируя в своей диссертации военные дневники А. Маликова (Адиб (Адип) Маликович Ма-

ликов, 1921–2009), А. Кутуя (Адельша Нурмухамедович Кутуев, 1903–1945), Х. Музая (Музагит Хайрутдинович Хайрутдинов, 1901–1944), А. Еники (Амирхан Нигметзянович Еникеев, 1909–2000) [4, с. 92–137], ошибается, утверждая, что «Г. Абсалямов, М. Амир, А. Еники, А. Кутуй, А. Маликов, Ш. Мударрис, Х. Музай и мн. др. начали вести дневники лишь в конце Великой Отечественной войны» [Там же с. 96].

Как утверждает Юрий Нагибин, за ведение дневников на войне могли осудить «на десять лет без права переписки» [7]. На сложности с ведением дневника указывает в своих воспоминаниях и Амирхан Еники:

«Әйтергә кирәк, хәрәкәттәге армиянең гади солдатна ниндидер дәфтәр тоту, шуна күргән ишеткәннәрен язып бару бик читен һәм хәвәфле эш иде». – «Надо сказать, что обычному солдату действующей армии было очень сложно и опасно при себе держать какую-то тетрадь, в которой были бы записи об увиденном и услышанном» [8, с. 117] (здесь и далее подстрочный перевод наш. – А. Х., М. Х.).

Эти дневники служили для писателей-фронтовиков своеобразной художественной мастерской.

Цель нашего исследования – выявить специфику трансформации военных дневников в татарской литературе в художественные произведения разных жанров.

В конце 1945 г. в журнале «Совет әдәбияты» («Советская литература») появился военный дневник Гусмана Бакирова (Гусман Фатхуллович Бакиров, 1896–1962), добровольцем ушедшего на фронт в 1942 г. [9]. Детский писатель принимал участие в освобождении Украины, Польши, Чехословакии, а также в битве за Берлин. В начале он командовал артбатареями, затем служил корреспондентом газеты 1 Украинского фронта «Ватан намусы өчен» («За честь Родины»). В дневниковых записях, охватывающих год его службы (18.09.1942 – 10.09.1943), подробно описывается его отъезд из Казани, жизнь на учебном полигоне и на фронте. В соответствии с идеологическими установками эпохи текст перегружен газетными фразами о защите Родины, где отмечается руководящая роль вождя народов. В 1946 г. дневник писателя был включен в сборник «Жиңу юлы» («Дорога Победы») [10]. После смерти автора архивисты опубликовали переведенные на русский язык отрывки из неподцензурной части дневников за 1943, 1945 гг. в журнале «Гасырлар авазы – Эхо веков» в 2000 г. [11]. При публикации дневников С. Елизарова и Л. Хузеева постарались выудить из них отрывки с «окопной риторикой», где рассказывается о

солдатской жизни и чувствах, которые испытывали бойцы: радость, связанная с ночевкой в станице Ольгинская в доме, где сохранился патефон, шок, который испытали солдаты при обнаружении немецкогоклада со столовыми принадлежностями, чувство ностальгии, вспыхнувшее после просмотра картин «Иван Грозный» и «Сердца четырех». Не ускользнули от внимания архивистов и тяготы, связанные с длительным голодом солдат во время наступления 1943 г. За строками дневниковых записей 1945 г. чувствуется душевная усталость Г. Бакирова, мечта о Победе, о том, чтобы скорее вернуться живым-здоровым к близким [Там же, с. 49–50].

Гнетущую атмосферу, связанную с отступлением Красной армии, зафиксировал в своем военном дневнике полковой командир Музай Хайрутдинов, попавший в плен в 1942 г. и погибший в фашистских застенках в 1944 г. [12]. Писателю удалось передать супруге 4 тетради дневниковых записей. Впервые они были опубликованы на татарском языке в 1968 г., переведены на русский язык – в 1978 г. [13]. При подготовке к печати по цензурным соображениям были не опубликованы записи полковника, сделанные летом 1941 г., о тяжелом положении наших войск в начале войны. Комполка заносил в дневник имена погибших, чтобы они не потерялись в водовороте войны. Дневниковые записи заканчиваются 3 мая 1942 г., когда готовилось наступление на Харьков. Чувство угнетенности, возникающее из-за отступления Красной армии, в дневнике Музая Хайрутдинова соседствует с уверенностью в победе.

Известно, что увиденное на фронте в 1942 г. писатель успел переплавить в очерк «Сөт» («Молоко»). Сюжет строится вокруг локального события – сцены похорон «хуторских», Ганны Павлюк и ее двух малолетних детей, погибших от рук врага. Автор очерка стремится передать настроения мирных жителей, ставших жертвами мародерства и жестокости немецких солдат. Писатель прибегает к классической форме «рассказа в рассказе». Автор подчеркивает единство сельчан в ненависти к фашистам. Публицистичность соединяется в очерке с художественностью. Кольцевая композиция достигается через параллель *уборка урожая – жатва смерти*. Усиление эмоционального накала происходит благодаря дословной передаче отдельных реплик и диалогов крестьян на кладбище, натуралистическому описанию жертв войны [14]. Документальный факт в очерке писателя выполняет идейно-формирующую функцию.

В 1972 г. увидела свет автобиографическая повесть Амирхана Еники «Бездә солдатлар идек»

(«И мы были солдатами»), имеющая подзаголовок «Из фронтовых тетрадей» [15]. Дневники [8], [16] писатель опубликовал только в 1990-е гг. (см. подр.: [6]). Указанная повесть довольно основательно изучена татарскими литературоведами (Ф. Миннуллин [17], А. Сахапов [18], А. Мотигуллина [19], Д. Загидуллина [20, с. 51–53]). За рамками внимания ученых осталась история создания повести, позволяющая понять характер жанровых трансформаций документального текста.

Сравнительно-сопоставительный анализ повести и дневника показал совпадение событийного ряда, системы персонажей. Писатель изменил хронологические рамки. Прием ретроспекции позволил ему расширить хронотоп, углубить сюжетные линии отдельных персонажей. При создании повести А. Еники сконцентрировался на теме победного шествия Советской армии, поэтому сузил хронологические рамки дневника. Внимание автобиографического героя сконцентрировано лишь на 1944 г. В сильной позиции находится заглавная фраза «Немецлар чигенә» («Немцы отступают»). Общий план произведения связан с картиной наступления советских войск на врага, а частный – с боевым путем отделения караульной службы под руководством автобиографического героя. Журнальный вариант повести не совпадает с книжным. Смеем предположить, что при редактировании машинописи А. Еники решил переработать финал, что позволило ему расширить масштаб повествования и преодолеть кажущуюся на первый взгляд мозаичность изображения. В результате картина будней караульной службы трансформируется в символический образ отделения из 7 солдат, движущихся вперед по дороге Победы.

При сравнении рукописи [21] с журнальным вариантом мы выявили, что некоторые фрагменты были изъяты из текста. Трудно сказать, сделано это было писателем в рамках самоцензуры или мы имеем дело с вмешательством цензуры. Советская цензура бдительно следила за тем, чтобы писатели изображали «безупречную армию». Вот почему из текста исчезли размышления А. Еники о страхах солдат во время бомбежек («Ә кеше нәрсә инде ул?»), бессилии человека с винтовкой перед мощью бомбардировщика [Там же, с. 15]. Противоречил насаждаемой идеологией традиции и комментарий А. Еники о том, как новобранцы из-за частых бомбардировок железной дороги спешат с караульной службы на передовую.

Повесть изобилует наблюдениями автора за особенностями национального уклада жизни и психологии однополчан. Доминирование в лич-

ном составе солдат-тюрков объясняется тем, что в 1943 г. рота пополнилась остатками сформированной в Казахстане дивизии. Из повести были вырезаны отрывки, наводящие тень на командиров. Так, в эпизоде с покупкой барана вначале утверждалось, что солдаты купили овцу у старообрядца не в складчину за деньги, а в обмен на старую одежду:

«...бер-ике пар каткан солдат ботинкасы, берме-икеме керләнеп беткән чалбар белән гимнастерка, тагын юылмаган күлмәк-ыштан, хәтта кемнендер өеннән ук киеп чыккан бер хәтфә жилеты да бар иде» [Там же, с. 55]. – «...несколько пар задубевших солдатских ботинок, сильно запачканных гимнастеров и штанов, нестираное нательное белье, бархатная жилетка, прихваченная кем-то из дома».

Очевидно, что столь небрежное отношение командиров к обмундированию на фронте могло быть расценено как преступная расточительность. Так, в повести документальный факт по воле автора переплавляется в оду солдатской находчивости и смекалки. А. Еники восхищается устойчивостью патриархальных традиций в среде казахов.

Исчезли из рукописи и размышления рассказчика идеологического плана:

«...бирегә килгәннән бирле каядыр күнел төбөндә жанны борчыган һаман бер сорау кыймылдый: бу утар хужасы, Россиядән күчкән, безгә, совет солдатларына, асылда ничәгрәк карый икән? Кем аңа якынарак – безме, әллә...» [Там же, с. 59]. – «...с тех пор как здесь оказался, мне не терпится задать один вопрос: Как относится к нам, советским солдатам, этот хозяин хутора, переселившийся из России старообрядец? Кто ему ближе – мы, или...».

Исчез из рукописи и лукавый ответ старообрядца на вопрос, верит ли он в советскую власть. Степень самоцензуры у писателя была запретной, даже вызвала недовольство у редактора [Там же, с. 22]. По словам Р. Гаташа, обнаруженные нами пометки на полях могут принадлежать В. Нуруллину или Я. Халитову. В одной из пометок редактор недоумевает, почему А. Еники сократил свой рассказ о причинах перехода на караульную службу, что негативно сказалось на разработке образов командиров. По-видимому, писатель решил, что подробное описание жизни однополчан куда безопаснее.

Убрал автор из конечного варианта и свои размышления о ходе осенней Рижской операции. Тогда в результате перегруппировки войск военный склад, где служил А. Еники, остался глубоко в тылу, из-за чего возникли перебои с доставкой оружия на линию фронта. Судя по всему, речь

идет о блокировании противника на Курляндском полуострове. Нести караульную службу под длительными дождями было нелегко. К тому же солдаты остались без связи. Первоначально А. Еники описал реакцию однополчан на новые условия службы. Одним такая служба была в тягость, другие радовались тому, что возрастал шанс выжить на войне [Там же, с. 90–91].

Чтобы сделать повествование о караульной службе интересным, А. Еники прибегает к вставным эпизодам. Они из разряда историй о чудесном спасении солдат либо связаны с трагической гибелью однополчан.

По мере работы над повестью растет мастерство А. Еники в создании портретов. Чтобы сделать тот или иной образ запоминающимся, писатель прибегает к разным приемам. Так, образ казака Дордо остается в памяти благодаря яркой речевой характеристике. Образ татарина Тухфата-абыя раскрывается через письмо сестренки и народную песню. Характер солдата Ефимова – благодаря описанию его внешности. Писатель стремится глубоко раскрыть внутренний мир своих персонажей. При разработке коллективного портрета той или иной этнической группы А. Еники умело эксплуатирует этностереотипы. Восхищает лаконизм, яркость природных зарисовок в повести.

В форме дневников свои записи А. Еники опубликовал только в 1994–1995 гг. Сопоставительный анализ введенных в оборот дневников с рукописями свидетельствует о том, что автор и спустя полвека публиковал материал избирательно. В авторских комментариях к одной расшифрованной, но оставшейся не опубликованной дневниковой записи А. Еники признается, что переписал текст, избавив его от длинных рассуждений, неоправданно растянутых описаний, выдающих его как начинающего автора [22, с. 1].

Так, в дневниковой записи от 14 декабря 1941 г. писатель размышляет о том, как в трагический для страны период, когда враг приблизился к Москве, ему вдруг захотелось написать произведение на «греховную тему» – о первой любви («гөнахлы» хикәя). А. Еники с горечью резюмирует:

«Фашистны үтерү турында гына уйларга кирәк чакта, син ниндидер мәхәббәт: тән турында хыялланып йөр, имеш! Моңы берәрсенә әйтсәң, ул сине йә сугыш егачак, йә өстөннән язып бирәчәк...» [Там же]. – «О какой любви может идти речь, когда нужно думать о борьбе с фашистами: как можно мечтать о плотском! Если с кем-нибудь об этом поделишься, он либо тебе врежет, либо донесет куда следует...»

Незаметно лирические размышления о любви, победить которую и война не в силах (письма-треугольники), в дневниковой записи взрывает гневная тирада в адрес цензуры:

«Әмма мәхәббәтнең икенче бер явыз дошманы бар иде – ул әдәбиятта булган идеология» [Там же]. – «У любви был еще один страшный враг – это идеология, контролировавшая мир литературы».

Начинающий писатель иронизирует над тем, что цензура разрешает писателям писать о любви на ферме или на заводе [Там же].

Материалы архива свидетельствуют о том, что этот художник слова не только редактировал и правил художественные произведения, но и поступал таким же образом при издании дневников.

Опубликованные дневники по тональности и стилистике больше перекликаются с публицистикой писателя 1990-х гг., нежели с военными рассказами.

Заслуживают внимания исследователей и дневники Адиба Маликова, отслужившего в рядах Советской армии на Дальнем Востоке 7 лет (1939–1946). Писатель принимал участие в освобождении Южного Сахалина. Л. Р. Насыихова допускает фактическую ошибку, утверждая, что А. Маликову удалось опубликовать отрывки из своего дневника в 1943 г. в газете «Тревога» (№11): «Адип Маликов в дневнике „Истә, бүген дә истә“ [56] буквально по дням описывает военные события по штурму городов Комисисука, Найро, Тойхарэ от японских самураев» [1, с. 96]. В этой дневниковой записи речь идет о Южно-Сахалинской операции (11–25 августа 1945 г.). Значит, данный материал не мог быть опубликован в 1943 г. Кроме того, всем известно, что в соответствии с постановлением ЦК ВКП (б) от 6 февраля 1942 г. выпуск газет для красноармейцев на родных языках был налажен лишь с 10 июля. Так, упоминаемая диссертантом газета Дальневосточного фронта на татарском языке «Тревога», во главе которой стоял Бари Курбанов, выпускалась с июня 1944 г. по октябрь 1945 г. Диссертант допустил опечатку в обработке источника [4, с. 145]. Статья «Истә, бүген дә истә» («До сих пор все в памяти») была опубликована, по словам сына писателя, в 1995 г. в газете «Социалистик Татарстан» [23].

В 1943 г. А. Маликов в дивизионной газете «За советскую Родину» (№ 89) опубликовал портретный очерк «Ефрейтор Минулла Миннибаев», который родился на основе дневниковых записей (см.: [24, с. 136–140]). Писательский

дневник в данном случае выполнял функцию блокнота для записей мыслей, хранилища записок, которые впоследствии служили базой для оформления сюжетных линий художественных произведений.

Свои дневниковые записи писатель переплавил в поэму «Атаудагы хисләр» («Чувства, рожденные на острове», 1944). Она посвящена трагической судьбе семьи солдата Муртазы Мусина [25]. При этом одна из его дневниковых записей превратилась в постраничную ссылку к этому произведению [Там же]. В дневниковой записи от 3 мая 1946 г. содержится информация об обсуждении поэмы в Союзе писателей в Казани [24, с. 185–186].

«Солдат язмарлары» («Солдатские записки»), созданные на основе дневников, были опубликованы в книге А. Маликова «Сахалин язмарлары» («Сахалинские очерки») в 1948 г. [26]. Произведение оформлено как дневник (11–28 августа 1945 г.). Писатель кратко описывает Южно-Сахалинскую операцию. Центральное место в дневниковых записях занимает описание врага – солдат японского гарнизона («япон солдатлары»). Писатель описывает тактику ведения боя противником, линию его обороны, особенности «чужого» быта. А. Маликов восхищается техническим превосходством Красной армии, гордится тем, что служит в ее рядах.

В 1970–1972 гг. на основе дневниковых записей родилась автобиографическая повесть-воспоминание «Яшьлек утравым» («Остров моей юности») [27]. Дневники как таковые были опубликованы после смерти писателя сыном – Анваром Маликовым [24, 133–156]. Вначале составитель перевел дневниковые записи на русский язык. Проявляя заботу о читателе, Анвар Маликов решил дополнить дневник фрагментами из уже опубликованного отцом при жизни. Это фрагменты из книги «Сахалин язмарлары» (1948) и газетной вариации дневников (1995). В дневнике реконструируется солдатская служба на Сахалине. Сравнительный анализ автобиографической повести и дневника показал, что Адиб Маликов не осмелился опубликовать в 1970 г. историю побега трех нивхов из части на национальный праздник «Проводы зимы». Они не подчинились приказу «бессердечного комзвода», так как «для них обычаи своего народа» «были превыше всего». Снайперы покинули часть, оставив записку о том, что ушли на войну. Вскоре однополчане узнали, что «дезертиры» развернули в тайге свою партизанскую войну против японских лазутчиков.

«Через месяц в тайге нашли шесть трупов. Трое – японцы, двое – наши нивхи. Погибли в рукопашной схватке, обнявшись. Буквально загрызли друг друга» [24, с. 135].

Эта трагедия потрясла все подразделение (май 1943 г.) [24, с. 135]. Не вошла в повесть и история о том, как солдаты обманули сотрудников НКВД, наживавшихся на обысках у шлагбаума. Изъятые вещи обычно они делили между собой и начальством. (запись от 5 сентября 1945 г.) [Там же, с. 150–151]. Не упоминается в повести и трагическая история гибели штабной роты из-за отравления метиловым спиртом из цистерны, оставленной японцами. Бойцы, привыкшие к смерти, были потрясены этой бесславной гибелью [Там же]. В повести автор достоверно передал все исторические события, но переименовал своих современников: комполка Кумаева превратил в Жумаева, военкора Рыжкова – в Рыжикова, комбата Светецкова – в Светличного, ефрейтора Миннуллу Миннибаева – в Минуллу Минникаева. «Это давало автору свободу в описании событий, в создании сюжетной канвы», – считает А. Маликов [Там же, с. 157]. Дневниковый материал в повести выполняет сюжетообразующую, эмоционально-воздействующую функцию. Служба в армии представлена как серьезный этап, формирующий личность. Текст дневников Адиба Маликова при подготовке в печать трансформировался под влиянием изменений в социально-общественной жизни страны. Если при жизни материал цензурировал сам автор, то после смерти – его сын. В беседе Анвар Маликов признался, что по этическим соображениям (травмирующие эпизоды) некоторые дневниковые записи решил не печатать. Анализ логики изъятия фрагментов выводит нас на проблему самопрезентации и презентации автора дневника в тексте. Очевидно, что писатель «подбивал» свои произведения под утвержденный канон изображения армии-победительницы, избегая случаев описания неуставного поведения военнослужащих и командиров и др. Не стоит забывать и о том, что тема войны с Японией была задвинута в СССР на второй план по сравнению с темой войны с нацистской Германией. Одним из сдерживающих факторов была неурегулированность послевоенной ситуации, так как мирный договор, фиксирующий границы, не подписан до настоящего времени.

Анвар Маликов перестроил дневниковый текст отца, подчинив его композиции и структуре биографической книги, включил отрывки из газетных, журнальных публикаций разных лет, что привело к стилистическому разнoboю. Текст

дробится на эпизоды, но они несут на себе печать эпохи, когда были напечатаны или введены в оборот.

Перепахивая дневниковые записи в художественное произведение, сам писатель Адиб Маликов давал развернутые характеристики, природные зарисовки, а также стремился глубже охарактеризовать образы автобиографического героя и однополчан. В отличие от дневников, в них больше деталей, способствующих созданию социально-психологического портрета. Очевидно стремление писателя почувствовать глубину жизни, поделиться своим опытом фронтовой службы. В поэме и автобиографической повести четко видно, как Адиб Маликов работал над художественной обработкой образов. Они, естественно, выстраивались в соответствии с советскими архетипами.

Анвар Маликов попытался трансформировать дневниковые материалы отца в «монотекст» о его героической службе на Сахалине, однако повествование получилось стилистически неоднородным. Материал был выстроен по хронологии.

В ходе нашего исследования мы постарались реконструировать историю бытования дневников татарских писателей периода Второй мировой войны. Благодаря сравнительному анализу документальных текстов в сопоставлении с художественными, мы выявили логику изменений и правок со стороны автора, редактора-составителя или под давлением цензуры. Мы стремились выявить степень влияния идеологии на оформление авторской идеи, а также описать конкретные шаги того или иного писателя по превращению своих отрывочных записей в художественно оформленное произведение. В годы войны дневники выполняли роль рабочих тетрадей писателей, материал из которых использовался при написании портретных очерков для фронтовых газет. После окончания войны дневники послужили творческой базой для создания автобиографических произведений, но степень открытости автора и его внутреннего мира зависела во многом от общественно-политической атмосферы эпохи.

Список источников

1. *Тажидинова И. Г.* Дневники Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: история повседневности // Вестник архивиста. 2012. № 2. С. 114–128. EDN: OYSQST
2. *Колесникова Е. И.* Военные дневники и записные книжки писателей: жанрово-повествовательные особенности // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Филология. 2014. № 3. С. 70–73. EDN: SESGZD

3. *Маркусь А.* Потенциал дневниковой прозы периода Великой Отечественной войны // Филология и культура. Philology and Culture. 2016. № 3 (45). С. 124–128.

4. *Насыйхова Л. Р.* Жанрово-тематические и стилистические особенности татарской фронтовой публицистики в годы Великой Отечественной войны (на примере дневников и очерков): дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2023. 157 с. EDN: BBGWHW

5. *Постникова Е. Г., Зайцева Т. Б.* Авторские стратегии трансформации жанра: от военного дневника к художественно-документальной прозе // Текст. Книга. Книгоиздание. 2024. № 34. С. 116–131. DOI: 10.17223/23062061/34/9 EDN: KZANQP

6. *Хабутдинова М. М., Гайнуллина Г. Р.* Военные дневники Амирхана Еники в зеркале русско-татарских литературных взаимосвязей // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. №1 (75). С. 99 – 105. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-75-1-99-105 EDN: BNVFND

7. *Нагибин Ю.* Дневник. М.: Книжный сад, 1996. 741 с.

8. *Еники А.* Фронт дөфтәрәннән // Казан утлары. 1995. № 5. 117–131 б.

9. *Бакиров Г.* Сугышчы көндәлеге // Совет әдәбияты. 1945. № 12. 21–37 б.

10. *Жңңу юлы: 1 нче Украина фронтында татар сугышчылары / [төз.: Р. Ишморатов һ. б.; жав. ред. С. Файзуллин].* Казан: Татгосиздат, 1946.

11. «Я очень рад, что тоже участвую в Отечественной войне советского народа...» // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2000. Вып. 1/2. С. 47–52.

12. *Мөҗәй Х.* Сугыш язмалары. Казан: Татар. кит. нәшр., 1967. 336 б.

13. *Хайрутдинов М.* Летопись войны: дневник / Сост. С. Шакир; пер. с тат. А. Бадюгиной. Казань: Татар. кн. изд-во, 1978. 176 с.

14. *Мөҗәй Х.* Сөт // Совет әдәбияты. 1942. № 3. 11–14 б.

15. *Еники А.* Бездә солдатлар идек // Казан утлары. 1972. № 9. С. 3–55.

16. *Еники А.* Фронт дөфтәрәннән // Ватаным Татарстан. 1994. № 97. 20 май.

17. *Миңнуллин Ф.* Балта явызлар кулында: Әдәби тәнкыйть мәкаләләре. Казан: Татар, кит. нәшр., 1994. 344 б.

18. *Сәхәпов М. Ж.* Кырыс чынбарлык. Казан: Мирас, 1995. 144 б.

19. *Мотигуллина А. Р.* Художественно-документальные жанры Амирхана Еники // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 6 (36). Ч. II. С. 157–160. EDN: SCZVJT

20. *Заһидуллина Д. Ф.* Әмирхан Еникинең сугыш турындагы әсәрләрдә мәсәлман дөнья сүрәте // Фәнни Татарстан. 2024. № 2. 48–54 б. EDN: IJCQDL

21. Архив КМГ. Рукопись Еники А. Бездә солдатлар идек: повесть. 1972. 119 л.

22. Архив КМГ. Рукопись расшифровки дневниковой записи от 14 декабря 1941 г. 2 л.

23. *Маликов А.* Истә, бүген дә истә // Социалистик Татарстан. 1995. 8 июня.

24. Адиб Маликов – записки солдата эпохи / сост. Анвар Маликов. Казань: Рухият, 2021. С. 133–156.
25. Маликов А. Атаудагы хисләр // Совет әдәбияты. 1945. № 7. С. 42–45.
26. Маликов А. Сахалин язмалары. Казан: Татгосиздат, 1948. 28 б.
27. Маликов А. Яшьлек утравым // Совет әдәбияты. 1972. № 12. С. 3–76.

References

1. Tazhidinova, I. G. (2012). *Dnevnik Velikoi Otechestvennoi voyny` 1941–1945 gg.: istoriya povsednevnosti* [Diaries of the Great Patriotic War 1941–1945: A History of Everyday Life]. Vestn. arkhivista. No. 2, pp. 114–128. EDN: OYSQST. (In Russian)
2. Kolesnikova, E. I. (2014). *Voenny`e dnevnik i zapisny`e knizhki pisatelei: zhanrovo povestvovatel`ny`e osobennosti* [War Diaries and Notebooks of Writers: Genre and Narrative Features]. Ucheny`e zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. No. 3, pp. 70–73. EDN: SESGZD. (In Russian)
3. Markus, A. (2016). *Potentsial dnevnikovoi prozy` perioda Velikoi Otechestvennoi voyny`* [The Potential of Diary Prose from the Period of the Great Patriotic War]. Filologiya i kul`tura. Philology and Culture. No. 3 (45), pp. 124–128. (In Russian)
4. Nasyikhova, L. R. (2023). *Zhanrovo-tematicheskie i stilisticheskie osobennosti tatarskoi frontovoi publitsistiki v gody` Velikoi Otechestvennoi voyny` (na primere dnevnikov i ocherkov): dissertatsiya ... kandidata filologicheskikh nauk* [Genre-Thematic and Stylistic Features of Tatar Front-Line Journalism during the Great Patriotic War (based on diaries and essays): Ph.D. Thesis]. Kazan, 157 p. EDN: BBGWHW. (In Russian)
5. Postnikova, E. G., Zaitseva, T. B. (2024). *Avtorskie strategii transformatsii zhanra: ot voennogo dnevnika k khudozhestvenno-dokumental`noi proze* [Authorial Strategies for Transforming the Genre: From a War Diary to Fiction and Documentary Prose]. Tekst. Kniga. Knigoizdanie. No. 34, pp. 116–131. doi: 10.17223/23062061/34/9 EDN: KZAHQP. (In Russian)
6. Khabutdinova, M., Gainullina, G. (2024). *Voennye dnevniky Amirkhana Eniki v zerkale russko-tatarskikh literaturnykh vzaimosvyazei* [Amirkhan Eniki's Frontline Diaries in the Mirror of Russian-Tatar Literary Relationships]. Filologiya i kul`tura. Philology and Culture. No. 1 (75), pp. 99–105. doi: 10.26907/2782-4756-2024-75-1-99-105 EDN: BNVFND. (In Russian)
7. Nagibin, Yu. (1996). *Dnevnik*. [Diary]. 741 p. Moscow, Knizhny`i sad. (In Russian)
8. Eniki, A. (1995). *Front daf̄taren̄n̄* [From Front-line Notebooks]. Kazan utlary`. No 5, pp. 117–131. (In Tatar)
9. Bakirov, G. (1945). *Sugy`shchy` k̄ond̄alege* [Diary of a Warrior]. Sovet әдәбияты. No. 12, pp. 21–37. (In Tatar)
10. *J̄ıñu yuly` : I nche Ukraina fronty`nda tatar sugy`shchy`lary`* (1946) [Victory Roads: Tatar Soldiers on the 1st Ukrainian Front]. T̄ez. R. Ishmoratov h.b.; j̄av. red. S. Faizullin. Kazan. Tatgosisdat. (In Tatar)
11. “*Ya ochen` rad, chto tozhe uchastvuyu v Otechestvennij voine sovetskogo naroda...*” (2000) [“I am very glad that I am also participating in the Patriotic War of the Soviet people...”]. Gasy`rlar avazy` - E`kho vekov. Vy`p.1/2, pp. 47–52. (In Russian)
12. M̄ej̄ai, Kh. (1967). *Sugy`sh yazmalary`* [Notes of a Soldier]. 336 p. Kazan, Tatar. kit. n̄shr. (In Tatar)
13. Khairutdinov, M. (1978). *Letopis` voiny` : dnevnik* [A Chronicle of the War: A Diary]. Sost. S. Shakir; per. s tat. A. Badyuginoi. 176 p. Kazan, Tatar. kn.izd-vo. (In Russian)
14. M̄ej̄ai, Kh. (1942). *C̄ot* [Milk]. Sovet әдәбияты. No. 3, pp. 11–14. (In Tatar)
15. Eniki, A. (1972). *Bezda soldatlar idek* [And We Were Soldiers]. Kazan utlary`. No. 9, pp. 3–55. (In Tatar)
16. Eniki, A. (1994). *Front daf̄taren̄n̄* [From Front-line Notebooks]. Vatanym Tatarstan. No. 97. 20 mai. (In Tatar)
17. Miñnulin, F. (1994). *Balta yavy`zlar kuly`nda: Əd̄bi t̄nky`it` m̄akal̄al̄are* [An Axe in the Hands of Villains: A Collection of Literary and Critical Articles]. 344 p. Kazan, Tatar, kit. n̄shr. (In Tatar)
18. S̄ekhapov, M. Zh. (1995). *Ky`ry`s chy`nbarly`k* [Harsh Reality]. 144 p. Kazan. “Miras”. (In Tatar)
19. Motigullina, A. R. (2014). *Khudozhestvenno-dokumental`ny`e zhanry` Amirkhana Eniki* [Art and Documentary Genres by Amirkhan Yeniki]. Filologicheskie nauki. Voprosy` teorii i praktiki. No. 6 (36). Ch. 2, pp. 157–160. EDN: SCZVJT. (In Russian)
20. Zahidullina, D. F. (2024). *Əmirxan Enikin̄ sugy`sh tury`ndagy` əs̄rl̄ard̄a m̄os̄olman d̄on`ya syrete* [The Muslim Image of the World in the War Stories of Amirkhan Yenikev]. F̄enni Tatarstan. No. 2, pp. 48–54. EDN: IJCQDL. (In Tatar)
21. Arkhiv KMG. *Rukopis` Eniki A. Bezda soldatlar idek: povest`* (1972) [Amirkhan Yeniki's Manuscript “And They Were Soldiers”: A Story]. 119 l. (In Tatar)
22. Arkhiv KMG. *Rukopis` rasshifrovki dnevnikovoi zapisi ot 14 dekabrya 1941 g.* [Transcription of a Diary Entry Dated December 14, 1941]. 2 l. (In Russian)
23. Malikov, A. (1995). *Ist̄a, bygen d̄a ist̄a* [And Today in My Memory]. Sotsialistik Tatarstan. 8 iyunya. (In Tatar)
24. *Adip Malikov – zapiski soldata e`pokhi* (2021) [Adip Malikov – Notes of a Soldier of the Epoch]. Sost. Anvar Malikov. 400 p. Kazan, Rukhiyat. (In Russian)
25. Malikov, A. (1945). *Ataudagy` khisl̄ar* [Feelings Born on the Island]. Sovet әдәбияты. No. 7, pp. 42–45. (In Tatar)
26. Malikov, A. (1948). *Sakhalin yazmalary`* [Sakhalin Essays]. 28 p. Kazan, Tatgosisdat. (In Tatar)
27. Malikov, A. (1972). *Yash`lek utravym`* [The Island of My Youth]. Sovet әдәбияты. No. 12, pp. 3–76. (In Tatar)

The article was submitted on 01.03.2025
Поступила в редакцию 01.03.2025

Хабутдинов Айдар Юрьевич,
доктор исторических наук,
профессор,
Казанский филиал Российского
государственного университета правосудия
им. В.М. Лебедева,
420088, Россия, Казань,
2-я Азинская, 7А.
aihabutdinov@mail.ru

Хабутдинова Милеуша Мухаметзяновна,
кандидат филологических наук,
доцент,
ведущий научный сотрудник,
НОЦ стратегических исследований
в области родных языков и культур,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
mileuscha@mail.ru

Khabutdinov Aidar Yurievich,
Doctor of History,
Professor,
Kazan branch of V. M. Lebedev Russian State
University of Justice,

7^a, 2nd Azinskaya Str.,
Kazan, 420088, Russian Federation.
aihabutdinov@mail.ru

Khabutdinova Mileusha Mukhametsyanovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Senior Researcher at the Research Center
for Strategic Research in the Field of Native
Languages and Cultures,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
mileuscha@mail.ru